

социальных противоречий в языке: деление на социолекты у Р. Барта, знаковая стратификация общества у Ж. Бодрийяра, лингвистическая фиксация социальных «болезней» у О. Розеншток-Хюсси, «идеологический фантазм» как средоточие социального антагонизма у С. Жижека. Кроме того, основой разделения языков во всех обозначенных теориях является отношение к власти, которая также интерпретируется в семиотическом аспекте.

1. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, Универс, 1994. – С. 133.

2. *Бодрийяр, Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387с.

3. *Бодрийяр, Ж.* Порнография войны: низость и гнусность американского могущества / Ж. Бодрийяр // ЦентрАзия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1085377260>. – Дата доступа: 12.11.2013.

4. *Жижек, С.* Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М. : Художественный журнал, 1999. – 236 с.

5. *Жижек, С.* Ирак: история про чайник / С. Жижек. – М. : Праксис, 2004. – 217 [1] с.

6. *Розеншток-Хюсси, О.* Язык рода человеческого. М. – СПб. : Университетская книга, 2000. – 608 с.

7. *Laclau, E.* Hegemony and Socialist Strategy / E. Laclau, Ch. Mouffe. – London, NY. Verso, 2001. – 198 p.

ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ: ПОСТ-ПОСТМОДЕРН И КОММУНИКАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

М. А. Можейко,

проректор по научной работе,

доктор философских наук, профессор;

Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла

Белорусского государственного университета

*Модерн: предпосылки деструкции
классической коммуникативной парадигмы*

Классическая культурная парадигма, предполагавшая своего рода диалог между со-субъектами любой культурной процедуры (автором и читателем, например), в рамках модерна

подверглась серьезным трансформациям. Эти трансформации еще не были доведены до логического конца, но оказались достаточно серьезными.

Транзитивность социальной ситуации, выступившая исходным фоном конституирования модернистской культурной программы, инспирировала оформление в них аксиологического акцента на проблеме самовыражения автора: хронологически – от программы «выражения субъективных состояний» (Л. Кирхнер) в экспрессионизме – через ауто-психоаналитическую экспликацию содержания сновидений в сюрреализме («Мое отличие от сумасшедшего состоит в том, что я-то не сумасшедший» – С. Дали) до художественной практики самоэкспонирования в концептуальном искусстве (классический вариант – С. Дан в «авангарде новой волны», современный – Э. Гормли).

*Постмодерн: антипсихологизм как отказ
от коммуникативной культурной парадигмы*

В отличие от модернизма, постмодернизм оформляется в культуре на базе принципиальной переориентации с фигуры Автора на фигуру Читателя.

По формулировке Р. Барта, Автор – отнюдь «не тот субъект, по отношению к которому произведение было бы предикатом». В рамках парадигмальной фигуры «смерти Автора» традиция интерпретации текста как реконструкции исходного (авторского) его смысла (вплоть до понимания интерпретации в качестве «биографического анализа» у Г. Миша) сменяется в постмодернизме традицией «означивания» (Ю. Кристева): текст понимается как принципиально аструктурный, т. е. организованный в качестве подвижной «ризомы», подобной «колонне маленьких муравьев, покидающих одно плато, чтобы занять другое; каждое плато может быть прочитано в любом месте и соотнесено с другим» (Ж. Делез, Ф. Гваттари).

Это позволяет говорить о радикальной децентрации текста и принципиальной возможности структурировать его вокруг любого семантического узла: такая деконструкция текста есть реальное преодоление его «онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризма» (Ж. Деррида), открывая путь отказу от идеи соотнесенности семантики текста с внетекстовым референтом – «трансцендентальным означаемым» (Ж. Деррида). Текст как

нарратив (рассказ, который всегда может быть пересказан по-иному) должен быть не истолкован (парадигма реконструкции смысла), а означен. По формулировке Ф. Джеймисона, собственно, именно нарративная процедура и «творит реальность». И именно в этой процедуре конституируется свобода как таковая: «Все, что является человеческим, мы должны позволить себе высказать» (Г.-Г. Гадамер). Текст, понятый как «эхокамера» (Р. Барт), лишь возвращает субъекту привнесенный им смысл: Читатель выступает в качестве «источника смысла» как такового (Ч. Х. Миллер).

Это не значит, однако, что функционально фигура Читателя занимает ту позицию, которая прежде была занята фигурой Автора. Современная философия констатирует парадигмальный поворот в интерпретации самого феномена субъекта: не только психологически артикулированный (так называемый «вождеleyenый») субъект фрейдистского типа, но и рациональный субъект типа декартовского уступают место деперсонифицированной презентации культурных смыслов (языка). Субъект характеризуется как «децентрированный», растворенный в формах языкового порядка (Ж. Лакан); по оценке Ж. Деррида, постнеклассическая философия практически осуществила деструкцию таких фундирующих саму идею субъективности феноменов, как «самодостаточность и самоналичие».

Идущая от философского и художественного модернизма (от структурного психоанализа и дадаизма – прежде всего), линия антипсихологизма как растворения субъективности в семиотическом пространстве языка находит свое развитие в философии постмодернизма. Свою цель в данной сфере постмодернизм формулирует следующим образом: «взломать одну, пока еще столь герметическую, преграду, которой удерживает вопрос о письме... под опекой психоанализа» (Ж. Деррида).

В контексте общей антипсихологической ориентации постмодернистской философии конституируется фундаментальная парадигма «смерти субъекта». Согласно постмодернистскому видению дискурсивных практик письма и чтения, последние задают семиотическое пространство, в рамках которого «производимое действие совпадает с переживаемым воздействием; пишущий пребывает внутри письма, причем не как психологическая личность... а как непосредственный участник Действия» (Р. Барт). Утрата субъектом психологической артикуля-

ции приводит к тому, что он не только теряет личностные качества и деперсонифицируется (становится «кодом, не-личностью, анонимом»), но и исчезает в целом – как явление: «он – ничто и никто, ... он становится ... зиянием, пробелом» (Ю. Кристева).

Фундаментальной презумпцией постмодернистского понимания означивания текста является, таким образом, его центрация не на фигуре субъекта (классическая герменевтическая и психоаналитическая традиции) и не на объективных гештальтных характеристиках текста (модернистская традиция структурализма), – классическая идея интерпретации сменяется в постмодернизме идеей «экспериментации» (Ж. Делез), основанной на видении процедур генерации смысла как принципиально вариативного и плюрального самодвижения текста (Дж. В. Харрари).

Пост-постмодерн:

реставрация коммуникативных культурных стратегий

В современной ситуации в философии постмодернизма намечаются контуры переосмысления описанной стратегии, закладываются основы для формирования новой (коммуникативной) парадигмы интерпретации текста.

В основе этой программы лежит фундаментальная для нее идея о том, что расщепленное Я может обрести свое единство лишь в контексте субъект-субъектных отношений – посредством Другого.

Современная культура обозначается Ж. Бодрийяром как культура «экстаза коммуникации» [3]. Если в классическом постмодернизме Другой интерпретировался как внешнее (социокультурное) содержание структур бессознательного (что фактически было унаследовано от лакановской версии структурного психоанализа, где бессознательное было артикулировано как «голос Другого»), то современный постмодернизм задает концепту «Другой» новую (коммуникационную) интерпретацию, в системе отчета которой реальность языка перестает быть для постмодернизма самодовлеющей. Иными словами, по формулировке пост-постмодернизма, фрагментированный субъект может быть собран только посредством Другого.

Оформление этой программы осуществляется на базе синтеза идей диалогизма, высказанных в рамках неклассической

философии (экзистенциальный психоанализ, современная философская антропология, философская герменевтика, философия католического аджорнаменто и философская концепция языковых игр). Прежде всего, сюда относятся идеи о так называемом «коммуникативном существовании»: «бытие-с» у М. Хайдеггера, «со-бытие с Другим» у Ж.-П. Сартра, «бытие-друг-с-другом» у Л. Бинсвангера, «отношение Я – Ты вместо Я – Оно» у М. Бубера, «преодоление отчаяния благодаря данности Ты» у О. Ф. Больнова, «малый кайрос» как подлинность отношения Я с Ты у П. Тиллиха и т.п.

Так, например, в рамках данной постмодернистской программы чрезвычайно актуальное звучание обретает тезис Ж.-П. Сартра: «Мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия: Для-себя отсылает к Для-другого», – подлинное бытие Я возможно лишь как «бытие-с-Пьером» или «бытие-с-Анной», т. е. «бытие, которое в своем бытии содержит бытие другого» (Ж.-П. Сартр). Способ бытия есть, по Ж.-П. Сартру, «быть увиденным Другим».

Аналогично, по Х.-Г. Гадамеру, механизм конструирования Я основан на «опыте Ты», и главное содержание этого опыта есть «свободное перетекание Я в Ты». Каждый из коммуникативных партнеров не только «является значащим для другого», но и «обусловлен другим» [2, с. 130–141].

Именно поэтому, по словам Э. Левинаса, «каждый, кто говорит “Я”, адресуется к Другому» [4]. В такой системе отсчета возможна лишь единственная форма и единственный способ бытия Я – это бытие для Другого, зеркало которого заменило собою разбитое зеркало прежнего объективного и объектного мира классической культуры.

В противоположность классической философской традиции, в рамках которой определенность человеческого сознания задавалась его интенцией отношения к объекту (и даже в противоположность постмодернистской классике, в рамках которой децентрированная субъективность неизменно была погружена в текстологически артикулированную среду: как писал Х.-Г. Гадамер, «игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой» [2, с. 139]), современная версия постмодернизма определяет сознание посредством фиксации его интенции на отношение к Другому.

Фигура Другого становится фундаментальной и конститутивной семантической структурой в современных попытках

постмодернистской философии реконструировать понятие субъекта. Вектор отношения субъекта к Другому, в постмодернистском его видении, – это «метафизическое желание» [5, с. 41], репрезентированное в грамматическом звательном падеже.

В сущности, на данном моменте современная культура вновь обращается к традиционной восточной натурфилософии: в частности, в постмодернистской концепции Другого могут быть усмотрены аналогии с древнекитайской концепцией спонтанности «цзы-жань», предполагающей самоопределение сущности посредством резонирования с другими (Другими) сущностями того же рода – «лэй». Отсюда реминисценции постмодернистской философии по поводу традиционной восточной философии: программный «антиэллинизм» Ж. Деррида, обращение Ю. Кристевой к философии Китая, универсальный интерес постмодернизма к дзен-буддизму и т.п.).

Постмодернистская трактовка механизма обретения субъектом самости посредством Другого может быть рассмотрена на примере концепции языковых игр К.-О. Апель, где язык понимается не в контексте субъект-объектных процедур прагматического или когнитивного порядка, но в контексте субъект-субъектных коммуникаций, которые в принципе не могут быть сведены к передаче сообщений.

Язык выступает в этом контексте не столько механизмом объективации информации или экспрессивным средством (что означало бы – соответственно – объективистскую или субъективистскую его акцентировку), сколько медиатором понимания в контексте языковых игр. Если трактовка последних Л. Витгенштейном предполагала опору на взаимодействие между субъектом и текстом, а в понимании Я. Ю. Хинтикки – на взаимодействие между *Я* и реальностью как двумя игроками в игре, ставка в которой – истинность высказывания, то К.-О. Апель трактует языковую игру как субъект-объектное отношение, участники которого являют собой друг для друга текст – как вербальный, так и невербальный [1, с. 202–220].

Это задает особую артикуляцию понимания как взаимопонимания. Апелевская версия постмодернистской парадигмы смягчает примат «судьбоносного означающего» (Ж. Лакан) над означаемым, восстанавливая в правах классическую для философской герменевтики и генетически восходящую к экзегетике презумпцию понимания как реконструкции имманентного

смысла текста, выступающего у К.-О. Апеля презентацией содержания коммуникативной программы игрового и коммуникативного партнера. Выступая в качестве текста, последняя не подлежит произвольному означиванию и, допуская определенный (обогащающий коммуникационную игру) плюрализм прочтения, тем не менее, предполагает аутентичную трансляцию семантики речевого поведения субъекта в сознание Другого, который вне этой реконструкции смысла не конституируется как коммуникационный партнер. Ставкой в игре оказывается не истина объектного, но подлинность субъектного.

Результатом коммуникации, согласно данной программе преодоления «кризиса идентификации», выступает вновь обретенное Я – как Я, найденное, по Ж. Делезу, «на дне Другого». Это означает не только и не столько раставрацию классической коммуникативной парадигмы, но и радикальный поворот культуры к ценностям коммуникационного порядка.

1. *Апель, К.-О.* Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. – Минск : Менск, 1997. – С. 202–220.

2. *Гадамер, Х.-Г.* Человек и язык / Х. Г. Гадамер // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. — Минск : Менск, 1997. – С. 130–141.

3. *Baudrillard, J.* Extasy of Communication // Postmodern Culture / Ed. by Foster H. – L., 1998. – 159 p.

4. *Lévinas, E.* Autrement que savoir. – P., 1988. – 314 p.

5. *Lévinas, E.* Totalite et Infini. Essai sur l'exteriorité. – K.A.P., 1988.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ПОБЕДЫ: ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ

И. В. Морозов,

профессор кафедры культурологии,

доктор культурологии, профессор;

Белорусский государственный университет

культуры и искусств

Величие темы «Победа» опровергает расхожее мнение, что музы молчат, когда говорят пушки. Напротив, музы консолидируются, отыскивая особые средства выразительности. При-